

Научная статья
УДК 347.61
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1519

Zalina Leonovna Bolurova
Applicant at the Department of Civil Law,
field of training
5.1.3 — Private law (civilistic) sciences,
specialty 40.03.01 — Law,
Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation
bolurovazalina@yandex.ru

Залина Леоновна Болурова
соискатель кафедры гражданского права,
направление подготовки
5.1.3 — Частно-правовые (цивилистические) науки,
специальность 40.03.01 — Юриспруденция,
Саратовская государственная юридическая академия
Саратов, Российская Федерация
bolurovazalina@yandex.ru

ПОНЯТИЯ ИЗЪЯТИЯ И ОТОБРАНИЯ РЕБЕНКА ИЗ СЕМЬИ

5.1.3 — Частно-правовые (цивилистические) науки

Аннотация. Одним из негативных и существенных последствий ненадлежащего исполнения родителями обязанностей по воспитанию своих детей является процедура изъятия или отобрания ребенка. Дети как уязвимая социальная группа нуждаются в защите со стороны государства. Исторически родительская власть была неограниченной, но с развитием права приоритетом стало обеспечение интересов ребенка. В статье рассматриваются юридические аспекты понятий изъятия и отобрания ребенка из семьи в Российской Федерации. Посредством ретроспективного анализа отслеживается процесс развития законодательной регламентации рассматриваемого института изъятия (отобрания) ребенка, оцениваются позиции ученых-юристов относительно исторически значимых аспектов развития регламентации данного института.

Анализируются основания, условия и процедура применения данных мер, направленных на защиту прав и законных интересов несовершеннолетних в соответствии с действующим правовым регулированием. Автором проводится разграничение между понятиями «изъятие» и «отобрание», выявляются их отличитель-

ные признаки и правовые последствия. Сделан вывод о нежелательности терминологического смешения указанных понятий, о законодательном подходе их соотношения как части и целого. Особое внимание уделяется анализу судебной практики, иллюстрирующей применение данных мер в различных ситуациях, включая случаи жестокого обращения, угрозы жизни и здоровью ребенка, а также ненадлежащего исполнения родительских обязанностей.

По итогу исследования сделан вывод о том, что судьба ребенка зависит от оценки опасности, созданной родителями. Важно правильно определить место жительства ребенка, соблюдая его интересы и предотвращая злоупотребления. Констатируется необходимость разработки нормативного правового акта, регламентирующего порядок изъятия детей, состав участников данной процедуры и процедур контроля.

Ключевые слова: семейное право, несовершеннолетние, родительские права, жестокое обращение, защита прав ребенка, права ребенка, изъятие ребенка, отобрание ребенка, судебная практика, Семейный кодекс РФ, невыполнение обязанностей

Для цитирования: Болурова З. Л. Понятия изъятия и отобрания ребенка из семьи // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 241—245. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1519.

Original article

THE CONCEPTS OF REMOVAL AND WITHDRAWAL OF A CHILD FROM THE FAMILY

5.1.3 — Private law (civilistic) sciences

Abstract. One of the negative and significant consequences of improper performance by parents of their responsibilities for the upbringing of their children is the procedure for removal or withdrawal of a child. Children, being a vulnerable social group, require state protection. Historically, parental authority was unlimited, but with the development of law, ensuring the interests of the child has become a priority. This article discusses the legal aspects of the concepts of removal and withdrawal of a child from the family in the Russian Federation. By conducting a retrospective analysis, the evolution of the legal regulation of the child removal (withdrawal) institution is tracked, and the positions of legal scholars regarding its historically significant aspects are evaluated.

The article analyzes the grounds, conditions and procedure for the application of these measures aimed at protecting the rights and legitimate interests of minors in accordance with the current legal regulation. The author distinguishes between the notions “removal” and “withdrawal”, identifies their distinctive features and generic consequences. The conclusion is made about the undesirability of terminological confusion of these concepts, about the legislative approach of their correlation as a part and a whole. Special attention is paid to the analysis of judicial practice illustrating the application of these measures in various situations, including cases of abuse, threats to the life and health of the child, as well as improper performance of parental duties.

As a result of the study, it is concluded that the fate of a child depends on the assessment of the danger created by the parents. It is important to determine the child's place of residence correctly, respecting his interests and preventing abuse. It is stated that there is a need to develop a regulatory legal act for the procedure of removal of children,

the composition of participants in this procedure and control procedures.

Keywords: family law, minors, parental rights, abuse, protection of the rights of a child, rights of a child, removal of a child, withdrawal of a child, judicial practice, Family Code of the Russian Federation, non-fulfillment of duties

For citation: Bolurova Z. L. The concepts of removal and withdrawal of a child from the family. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;1(74):241—245. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1519.

Введение

Актуальность. В современных условиях, которые характеризуются зачастую ненадлежащим отношением лиц к исполнению своих родительских обязанностей, различные правовые механизмы защиты прав и законных интересов несовершеннолетних детей приобретают особую актуальность. Важнейшим институтом, ориентированным на обеспечение жизни, здоровья, благополучия несовершеннолетнего лица, выступает институт отобрания (изъятия) ребенка. Несмотря на высокую степень своей социальной значимости, многие вопросы его регламентации остаются нерешенными, имеются и дискуссии относительно терминологического соотношения понятий отобрания и изъятия ребенка.

Изученность проблемы. Широкого научного интереса институт отобрания (изъятия) ребенка не вызывает, что обуславливает относительно небольшое количество современных научных исследований, посвященных данной проблематике. Особую проблему в данном случае обуславливает терминологический аспект. Например, Н. В. Летова процедуру, регламентированную ст. 77 Семейного кодекса (далее — СК) РФ, определяет как процесс «изъятия ребенка из семьи» [1], Е. В. Карпова [2, с. 136] и Е. А. Рыбалка и Е. В. Казанцева [3] отождествляют понятия «изъятие ребенка» и «отобрание ребенка», термином «изъятие» без его отграничения от термина «отобрание» оперируют в своих трудах Т. А. Мосиенко [4] и Е. В. Иванова [5]. Д. Е. Тимофеева [6], Е. Е. Леканова [7] и Д. В. Шепелева [8] обоснованно пишут об «отобрании» ребенка у родителей или иных лиц, что свидетельствует об учете авторами субъектного состава рассматриваемых правоотношений. Е. В. Иванова [5; 9, с. 109], С. А. Хазова, М. В. Сапоровская, О. А. Кудряшова [10], напротив, пишут об изъятии ребенка от родителей или иных лиц, на попечении которых он находится (без учета субъектного состава правоотношений в рассматриваемой сфере).

В отдельных исследованиях, например в работах А. Ю. Телицкой [11] и Е. Г. Стребковой и М. А. Щукиной [12], встречается вполне четкое разграничение понятий «изъятие» и «отобрание» ребенка.

Цель исследования — определить модель соотношения понятий «изъятие» и «отобрание» ребенка в контексте ст. 77 СК РФ.

Задачи исследования включают в себя анализ истории развития законодательства о защите прав детей, общую характеристику механизма изъятия (отобрания) ребенка в соответствии с положениями семейного законодательства, определение модели соотношения понятий «изъятие» и «отобрание» ребенка в контексте ст. 77 СК РФ.

Целесообразность разработки темы, по мнению автора, состоит в том, что в настоящее время в научной литературе, а также в правоприменительной практике бессистемно употребляются термины «изъятие» и «отобрание»

ребенка при отсутствии разработанности вопроса об их соотношении с учетом субъектного состава соответствующих правоотношений в рассматриваемой сфере.

Научная новизна исследования заключается в предложении авторской модели терминологического разграничения понятий «отобрание» и «изъятие» ребенка, а также в разработке вывода о целесообразности принятия специализированного нормативно-правового акта, регламентирующего порядок отобрания (изъятия) детей, положениями которого, в числе прочего, будут регламентированы состав участников данной процедуры и применяемые процедуры контроля.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно вносит вклад в развитие теории семейного права и защиты прав детей. Кроме того, теоретической значимостью обладает вывод относительно авторской модели разграничения понятий «отобрание» и «изъятие» ребенка.

Практическая значимость результатов исследования заключается в том, что результаты исследования могут быть использованы для улучшения законодательства и практики, а также для разработки рекомендаций для органов опеки и попечительства, и судов.

Основная часть

Методология исследования. Проведенное исследование основывается на диалектико-материалистическом методе познания. В качестве специальных методов научного познания был применен исторический метод (анализируется история развития законодательства о защите прав детей начиная с конца XVIII в. и до современных правовых норм); сравнительно-правовой метод (выявляются достоинства и недостатки прошлого и действующего законодательства).

Результаты исследования и их обсуждение. Одним из негативных и существенных последствий ненадлежащего исполнения родителями своих обязанностей по воспитанию своих детей является процедура изъятия или отобрания ребенка. Дети как уязвимая социальная группа нуждаются в защите со стороны государства. Исторически родительская власть была неограниченной, но с развитием правовой регламентации правоотношений в рассматриваемой сфере приоритетом стало обеспечение интересов ребенка.

Проблема защиты детей и контроля за недобросовестными родителями всегда была актуальной, вызывая дискуссии в науке и практике. Родители, не исполняющие или исполняющие ненадлежащим образом свои обязанности и причиняющие вред психическому или физическому здоровью ребенка, несут как семейно-правовую, так и юридическую ответственность. Первые меры семейно-правовой ответственности в отношении родителей, включая отобрание детей и лишение прав, появились в 1918 г. с принятием Кодекса законов о браке,

семье и опеке. До конца XVIII в. родительская власть над детьми была практически неограниченной. Со временем влияние родителей уменьшалось, а дети получали больше прав. Право постепенно признавало за детьми правосубъектность, ограничивало власть отца и устанавливало его обязанности, придавая отношениям двухсторонний юридический характер [13].

Период XVIII — начала XIX в. в мировом сообществе стал характеризоваться тенденцией повсеместного принятия нормативных актов, направленных на обеспечение защиты прав, свобод и законных интересов несовершеннолетнего ребенка. Речь, в том числе, идет и об актах международного уровня. Применительно к российской правовой системе данный институт начал свое развитие после Октябрьской революции, и, несмотря на тот факт, что принятое законодательное регулирование обладало достаточно существенными недостатками (к примеру, отсутствовала детальная и четкая проработка основания обращения за судебной защитой, возможные к применению меры защиты), достижение основной цели было бесспорным — на законодательном уровне была закреплена сама возможность обращения в суд за защитой прав несовершеннолетнего.

Кодекс законов о браке, семье и опеке РСФСР 1926 г. предусматривал отобрание ребенка при нарушении родителями его интересов. При этом законодатель достаточно прогрессивно акцентировал внимание на том аспекте, что осуществление родителями своих семейных прав допускается исключительно в интересах их несовершеннолетнего ребенка. При этом в рассматриваемый исторический период законодатель не разграничивал таких процедур, как лишение родительских прав и отобрание ребенка, фактически, в данном случае имела место единая правовая процедура. В соответствии с положениями названного законодательного акта отобрание ребенка могло иметь место при наличии фактов невыполнения родителями возложенных на них законом родительских обязанностей; при злоупотреблении родителями своими правами по отношению к несовершеннолетнему ребенку (в особенности при допущении жестокого обращения с ним).

Более расширенный перечень оснований для отобрания детей у родителей предусматривало законодательство советского периода. В 1969 г. был принят Кодекс законов о браке и семье РСФСР, в котором в качестве причин для лишения родительских прав также были указаны ненадлежащее (аморальное или антиобщественное) поведение родителей, наличие у них хронических заболеваний, препятствующих нормальному развитию ребенка и совместному с ним проживанию (например, алкоголизм или наркомания).

Семейное законодательство России кардинально обновилось после ратификации международных документов, в частности Конвенции о правах ребенка (1989 г.) и Всемирной декларации об обеспечении выживания, защиты и развития детей (1990 г.). В СК РФ появилась отдельная глава, посвященная защите интересов ребенка, что подтверждает приоритетность охраны детских прав. Сегодня нарушение прав ребенка, гарантированных Конституцией РФ и семейным законодательством, влечет за собой государственные меры воздействия на родителей — от предупреждений до отобрания детей. Эти меры направлены на защиту несовершеннолетних от любых форм негативного влияния, в т. ч. со стороны собственных родителей.

На наш взгляд, применяя меры до отобрания ребенка, государство преследует воспитательную цель — помочь родителю осознать ценность родительских обязанностей и важность соблюдения прав ребенка. В семейном законодательстве данная мера носит в большей степени превентивно-воспитательный, а не карательный характер.

Согласно теории семейного права, лишение родительских прав применяется при совершении родителями правонарушений или преступлений, данный институт рассматривается в качестве эффективного механизма защиты прав несовершеннолетнего [14].

В семейном праве отобрание ребенка — исключительная мера, применяемая лишь после исчерпания других способов воздействия на родителей. Когда превентивные меры не дают результата, заинтересованные лица вправе обратиться в суд. Статья 77 СК РФ предусматривает внесудебный порядок отобрания: при непосредственной угрозе жизни или здоровью ребенка органы опеки и попечительства обязаны немедленно изъять его из семьи. Это норма подчеркивает приоритет защиты детской безопасности над сохранением семейных связей.

При этом стоит отметить, что в современных условиях как на доктринальном, так и на законодательном уровне не разрешен вопрос соотношения понятий «отобрание» и «изъятие» ребенка, что закономерно создает соответствующие терминологические неточности. Учитывая значение рассматриваемых терминов, можно констатировать, что их наиболее явным отличием выступает субъектный состав отношения, связанного с отбиранием, изъятием, передачей чего-либо, кого-либо. Отобрать что-либо, кого-либо представляется возможным только при наличии субъекта, имеющего определенное право на что-либо, кого-либо, подлежащие отобранию, что предусматривает, в том числе, отсутствие воли такого субъекта на отобрание. Изъятие, в таком случае, можно рассматривать как понятие более широкое, выступающее в качестве деятельности, процесса, связанного с перемещением объекта в пространстве, как при наличии субъекта, у которого такой объект непосредственно отбирается, изымается, так и при его отсутствии.

При этом нормы действующего СК РФ не оперируют терминами «изъять», «изъятие», а термин «отобрание» фигурирует только в рамках ст. 73, 77 и ч. 2 ст. 79 СК РФ.

Н. В. Летова, например, процедуру, регламентированную ст. 77 СК РФ, определяет как процесс «изъятия ребенка из семьи» [1], что, не умаляя научной важности и значимости позиции автора, нельзя признать обоснованным в силу недопустимости подмены понятий, определенных федеральным законодателем. Е. В. Карпова также отождествляет понятия «изъятие ребенка» и «отобрание ребенка», оперируя такими формулировками, как «изъять из семьи в порядке ст. 77 СК РФ» [2]. Т. А. Мосиенко также при рассмотрении особенностей реализации положений ст. 73 и 77 СК РФ ведет речь об «изъятии ребенка из семьи» [4]. Е. В. Иванова ведет речь об «*изъятии* детей родителями или иными близкими родственниками» применительно к случаям незаконного удержания ребенка одним из родителей [5].

На наш взгляд, совершенно обоснованно при рассмотрении вопроса относительно реализации ст. 73 и 77 СК РФ оперировать именно термином «отобрание ребенка», являющегося, фактически, частным случаем изъятия несовершеннолетнего.

Анализируя приведенные выше точки зрения, представляется обоснованным говорить, во-первых, о необходимости разграничения понятий «изъятие» и «отобрание», которые, на наш взгляд, соотносятся как общее и частное, целое и часть; во-вторых, о недопустимости подмены формулировок и терминов, определенных законодателем, что особенно часто допускается в отношении процедур, определенных ст. 73 и 77 СК РФ. Фактически, отобрание ребенка у родителей или иных лиц выступает частным случаем изъятия ребенка.

Согласно данным Судебного департамента при Верховном суде РФ, количество дел об отобрании детей у родителей остается высоким. Например, только по делам об ограничении родительских прав с 2021 г. наблюдается значительное количество рассмотренных дел: в 2021 г. — 8 000 дел (более половины удовлетворены); в 2022 г. — 8 600 дел (5 600 удовлетворены); в 2023 г. — 7 900 дел (5 400 удовлетворены); в первой половине 2024 г. было рассмотрено 3 800 дел, из которых удовлетворены 2 400. В большинстве случаев (около 80 %) суды выносят решения в пользу отобрания. Отмечается стабильность этой статистики в течение последних четырех лет. Основания для ограничения родительских прав часто выходят за рамки, установленные ст. 73 СК РФ, а количество обращений родителей о восстановлении прав незначительно (около 5 %).

Статья 121 СК РФ определяет основания для признания детей оставшимися без попечения родителей, включая случаи угрозы жизни и здоровью. Отобрание ребенка в административном порядке возможно лишь при непосредственной угрозе жизни и здоровью. Статья 77 СК РФ обязывает органы опеки и попечительства инициировать судебную процедуру и уведомлять прокурора.

Отсутствие специализированного нормативного правового акта затрудняет контроль над семьями в социально опасном положении. Из Постановления Пленума Верховного суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 44 следует, что в современных условиях установлено ограничение возможности произвольного отобрания ребенка, для этого требуется подтверждение непосредственной угрозы его жизни и здоровью. Критерии оценки такой угрозы носят оценочный характер и зависят от личного мнения проверяющих. Например, бездействие родителей в виде некармливания ребенка или оставление его на морозе может быть основанием для отобрания.

Важно отметить, что тяжелое материальное положение семьи не может служить основанием для отобрания ребенка, если родители добросовестно исполняют свои обязанности по воспитанию и развитию. Недопустимы произвольные решения органов опеки и попечительства, основывающиеся лишь на материальных трудностях семьи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Летова Н. В. Защита прав ребенка в случае его изъятия из семьи: проблемы и перспективы развития законодательства // Проблемы экономики и юридической практики. 2023. Т. 19. № 1. С. 119—124. DOI: 10.33693/2541-8025-2023-19-1-119-124.
2. Карпова Е. В. Защита в гражданском судопроизводстве прав несовершеннолетних, оставшихся без попечения родителей : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2022. 231 с.
3. Рыбалка Е. А., Казанцева Е. В. Правовое регулирование изъятия детей из семьи сотрудниками органов внутренних дел: проблемы теории и практики // Юристы-Правоведь. 2020. № 2(93). С. 17—22.
4. Мосиенко Т. А. Основания и порядок ограничения родительских прав, немедленное изъятие ребенка из семьи по действующему законодательству // Colloquium-Journal. 2019. № 3-4(27). С. 12—15.
5. Иванова Е. В. Перспективы привлечения родителей и иных близких родственников к уголовной ответственности за похищение собственных детей // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 11. С. 104—112. DOI: 10.17803/1994-1471.2019.108.11.104-112.

Органы опеки и попечительства в случае обнаружения у семьи трудностей, связанных с финансовым содержанием, могут ходатайствовать в соответствующие инстанции о том, чтобы данной семье помогало государство, поставило на учет в качестве семьи, нуждающейся в социальном сопровождении и поддержке. Критерии определения опасности для ребенка индивидуальны. При отобрании ребенка важна конкретизация и учет характера опасности, которая может быть временной или ситуационной.

Выводы

Проведенное исследование юридической конструкции семейно-правовой нормы, предусматривающей положения об ограничении родительских прав и отобрания ребенка, позволило сделать следующие заключения.

Ограничение родительских прав является мерой ответственности для недобросовестных родителей, создающих угрозу ребенку, и дополнительной защитой прав и интересов ребенка. Семейное законодательство предусматривает для принятия положительного решения об ограничении родителей в их правах предусматривает наличие двух оснований:

1) угроза жизни и здоровью ребенка, независящая от воли родителей (физиологические деформации, болезни и др. — перечень открыт);

2) аморальный или антиобщественный образ жизни родителей, недостаточный для лишения прав, но позволяющий временно изъять ребенка.

В отличие от лишения права, ограничение родительских прав — временная мера, дающая шанс на исправление. У родителей есть шесть месяцев на изменение поведения и возвращения ребенка. При отсутствии усилий органы опеки и попечительства могут ходатайствовать о лишении родительских прав.

Особая сложность процедур изъятия (отобрания) ребенка как в рамках процедур лишения и ограничения прав, так и осуществляемых самостоятельно, обуславливает необходимость разработки специализированного нормативного правового акта, регламентирующего порядок изъятия (отобрания) детей, состав участников данных правоотношений и процедуры возможного контроля.

Также сделан вывод, во-первых, о необходимости разграничения понятий «изъятие» и «отобрание», которые, на наш взгляд, соотносятся как общее и частное, целое и часть; во-вторых, о недопустимости подмены формулировок и терминов, определенных законодателем, что особенно часто допускается в отношении процедур, определенных ст. 73 и 77 СК РФ. Фактически, отобрание ребенка у родителей или иных лиц выступает частным случаем изъятия ребенка.

6. Тимофеева Д. Е. Отобрание ребенка у родителей при непосредственной угрозе его жизни или здоровью как механизм социальной защиты детства в России // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2022. № 3-3. С. 83—89. DOI: 10.24412/2500-1000-2022-3-3-83-89.
7. Леканова Е. Е. Правовые проблемы внесудебного отобрания ребенка: советское наследие, современное состояние и законотворческие перспективы // *Юридическая наука и практика*. 2023. Т. 19. № 4. С. 69—76. DOI: 10.25205/2542-0410-2023-19-4-69-76.
8. Шепелева Д. В. Правовой механизм и последствия отобрания ребенка у родителей или других лиц, на попечении которых он находится при непосредственной угрозе жизни и здоровью ребенка // *Пробелы в российском законодательстве*. 2023. Т. 16. № 5. С. 358—364.
9. Иванова Е. В. Похищение человека: квалификация, ответственность : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2020. 213 с.
10. Хазова С. А., Сапоровская М. В., Кудряшова О. А. Изъятие ребенка как кризисное событие в жизни дисфункциональной семьи: особенности совладающего поведения // *Вестник Московского государственного областного университета*. 2020. № 4. С. 198—218. DOI: 10.18384/2224-0209-2020-4-1048.
11. Телицына А. Ю. Анализ иностранной практики в области правовых оснований и подходов к ограничению, лишению родительских прав и отобранию ребенка у родителей при непосредственной угрозе его жизни или здоровью // *Социальные науки и детство*. 2023. Т. 4. № 1. С. 36—58. DOI: 10.17759/ssc.2023040103.
12. Стребкова Е. Г., Щукина М. А. Особенности принудительного исполнения судебных решений об отобрании или о передаче ребенка, определения порядка общения с ребенком // *Наука и инновации в XXI веке : сб. науч. ст. междунар. междисциплинар. науч.-практ. конф.* Самара : Инсома-пресс, 2021. С. 123—128.
13. Галиченко М. А. История развития законодательства о лишении родительских прав // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2020. № 12-3. С. 81—83.
14. Шамраева И. Л., Волкова Л. В. Сущность и черты лишения родительских прав как меры семейно-правовой ответственности // *Социология и право*. 2020. № 4. С. 80—85. DOI: 10.35854/2219-6242-2020-4-80-85.

REFERENCES

1. Letova N. V. Protection of the Rights of the Child in the Event of his Removal from the Family: Problems and Prospects for the Development of Legislation. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoi praktiki = Economic Problems and Legal Practice*. 2023;19(1):119—124. (In Russ.) DOI: 10.33693/2541-8025-2023-19-1-119-124.
2. Karpova E. V. Protection of the rights of minors left without parental care in civil proceedings. Diss. of the Cand. of Law. Ekaterinburg, 2022. 231 p. (In Russ.)
3. Rybalka E. A., Kasanzeva E. V. Legal regulation of the removal of children from the family by police officers: problems of theory and practice. *Jurist-Pravoved*. 2020;2(93):17—22. (In Russ.)
4. Mosienko T. A. The grounds and procedure for the restriction of parental rights, immediate removal of a child from a family under the current legislation. *Colloquium-Journal*. 2019;3-4(27):12—15. (In Russ.)
5. Ivanova E. V. Prospects for Bringing Parents and Other Close Relatives to Criminal Responsibility for the Abduction of Their Children. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*. 2019;11:104—112. (In Russ.) DOI: 10.17803/1994-1471.2019.108.11.104-112.
6. Timofeeva D. E. Removing a child from parents at a direct threat to his life or health as a mechanism of social protection of childhood in Russia. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2022;3-3:83—89. (In Russ.) DOI: 10.24412/2500-1000-2022-3-3-83-89.
7. Lekanova E. E. Legal problems of extrajudicial removal of a child: Soviet legacy, current state and legislative prospects. *Yuridicheskaya nauka i praktika = Juridical science and practice*. 2023;19(4):69—76. (In Russ.) DOI: 10.25205/2542-0410-2023-19-4-69-76.
8. Shepeleva D. V. The legal mechanism and consequences of taking a child away from parents or other persons in whose care he is in a direct threat to the life and health of the child. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian legislation*. 2023;16(5):358—364. (In Russ.)
9. Ivanova E. V. Kidnapping: qualification, responsibility. Diss. of the Cand. of Law. Saint Petersburg, 2020. 213 p. (In Russ.)
10. Khazova S. A., Saparovskaya M. V., Kudryashova O. A. Removal of a child as a crisis event in the life of an alcoholic family and coping with it. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta = Bulletin of Moscow State Region University*. 2020;4:198—218. (In Russ.) DOI: 10.18384/2224-0209-2020-4-1048.
11. Telitsyna A. Yu. Analysis of Foreign Practice in the Field of Legal Grounds and Approaches to Restriction, Deprivation of Parental Rights and Removal of a Child from His/Her Parents in Case of an Immediate Threat to His or Her Life or Health. *Sotsial'nye nauki i detstvo = Social Sciences and Childhood*. 2023;4(1):36—58. (In Russ.) DOI: 10.17759/ssc.2023040103.
12. Strebkova E. G., Shchukina M. A. Features of enforcement of court decisions on the removal or transfer of a child, determining the order of communication with the child. *Nauka i innovatsii v XXI veke = Science and Innovation in the 21st Century. Collection of scientific articles of the international interdisciplinary scientific and practical conference*. Samara, Insoma-press, 2021:123—128. (In Russ.)
13. Galichenko M. A. History of development of legislation on deprivation of parental rights. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2020;12-3:81—83. (In Russ.)
14. Shamraeva I. L., Volkova L. V. The Essence and Features of Deprivation of Parental Rights as a Measure of Family Legal Responsibility. *Sotsiologiya i pravo = Sociology and Law*. 2020;4:80—85. (In Russ.) DOI: 10.35854/2219-6242-2020-4-80-85.

Статья поступила в редакцию 11.12.2025; одобрена после рецензирования 10.01.2026; принята к публикации 12.01.2026.
The article was submitted 11.12.2025; approved after reviewing 10.01.2026 accepted for publication 12.01.2026.